

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Сунь У-кун в ярости убил разбойников с большой дороги, и как Танский монах впал в заблуждение и прогнал от себя смышленную обезьяну

Зовется сердце чистым лишь тогда,
Когда его раздумья не тревожат,
Заботы не гнетут, сомнения не гложут,
Не увлекают радость и беда.
Когда вокруг безмолвие царит —
Приходят чистые, благие думы,
Блаженствуя, раскрепощенный дух парит
Над жизнью суетной, порочной и угрюмой.
Уйми страстей снедающий огонь,
Чтоб не была душа им обуяна!
Мысль тороплива, словно обезьяна,
Неукротимо сердце — резвый конь...
И мысль и сердце ты держи в узде —
Хозяином их будь всегда, везде!
Всех шестерых врагов ты изгони,
Впитай в себя все три ученья Будды:
Тогда, расставшись с ересью и блудом,
Познанием мудрости достигнув совершенства,
Ты счастьем истинным свои наполнишь дни
В сияющей обители блаженства.

Итак, мы рассказали о том, как Танский монах проявил железное упорство и стальную выдержку и готов был ценою жизни сохранить свое целомудрие и благочестие. Благодаря Сунь У-куну он был спасен.

О том, как путники продолжали идти на Запад, мы рассказывать не будем. Стояла середина лета:

Дождь пролился, и стало все вокруг

Еще благоуханнее и краше —

Прохладой дышит молодой бамбук,

Цветы раскрыли радужные чаши,

Душистый пар струится от земли,

Тростник пьянящий запах источает,

Все склоны гор полынью поросли,

Но здесь ее никто не замечает.

Потока шум и птичьи голоса

Сливаются в единый хор веселый,

Над розовым кустом роятся пчелы,

И бирюзой сияют небеса.

Наступил праздник лета. Танский монах и его спутники любовались прекрасным летним пейзажем и печалились, что ничем не могут отметить наступивший праздник. Вдруг они увидели впереди высокую гору, преграждавшую им путь. Сюань-цзан придержал коня и, обернувшись, сказал:

— Видишь, Сунь У-кун? Впереди — гора. Боюсь, что там тоже обитают злые духи и оборотни. Нужно быть настороже.

— Не бойся, наставник! — хором отвечали ему ученики. — Ведь мы отдали себя на волю Будды, чего же нам бояться злых духов!

Танский монах успокоился, подстегнул коня и натянул поводья, чтобы скорей добраться до горы. Вскоре путники поднялись на отроги горы, откуда им открылась чудесная картина. Вот послушайте, что об этом написано в стихах:

Высокие горы приблизиться к небу стремились,

На горных вершинах стояли стеной кипарисы,

Угрюмые скалы красивым узором покрылись,

Ползучие травы по каменным граням стелились,

И мох одевал их своей бирюзовой ризой.

Отвесные кручи гряда за грядою вставали,

В глубины земли уходили разверзтые бездны,
И взор изумленный притягивали и пленяли
Широким окружьем раскинувшиеся дали,
Луга и долины в цветочном уборе прелестном.
В густых можжевеловых рощах и в кущах тенистых
Невидимых птиц раздавались и щебет и пенье,
И каждый крылатый певец с превеликим уменьем
С другим состязался, таким же, как он, голосистым.
Тропинка крутая опавшими лепестками
Была словно медью и золотом жарким покрыта,
Гремучий поток меж высокими тростниками
Стремил свои воды прозрачные, цвета нефрита.
В местах, где не знали ловушек, тенет и капканов,
Плодились и множились дивные птицы и звери;
Козули и лоси, лисицы и обезьяны,
Что странникам нашим встречались в пути непрестанно,
Не ведали страха и к людям питали доверье.
И только порой нарушало звериные игры,
И только порой заглушало и щебет и пенье,
Подобное грому, глухое рычание тигра,
Невольно вводившее в трепет живые творенья.
Меж листьев зеленых, таясь, наливались и зрели
Плоды, издававшие дивное благоуханье,
В высокой траве шелковистой цветы пламенели,
Которым доселе никто не придумал названья.

Наши путники, углубившись в горы, очень медленно продвигались вперед и, достигнув вершины, стали спускаться вниз по западному склону, совершенно гладкому и озаренному солнцем. Чжу Ба-цзе решил передохнуть и передал ношу Ша-сэну, а сам взял свои грабли и, размахивая ими, понукал коня. Но тот ничуть не боялся Чжу Ба-цзе и несмотря на все

понукания еле плелся.

— Брат! Ты зачем коня погоняешь? — спросил Сунь У-кун. — Пусть идет, как ему удобно.

— Становится поздно, — отвечал Чжу Ба-цзе. — Целый день мы идем без отдыха. У меня уже живот подвело. Нужно поторапливаться! Может быть, нам удастся отыскать какое-нибудь жилье и выпросить подаяние!

— Давайте тогда я попробую. Может быть, мне удастся заставить коня идти быстрее.

С этими словами Сунь У-кун стал размахивать своим посохом и прикрикнул на коня, который вырвал поводья из рук Сюань-цзана и стрелой помчался вперед. А известно ли вам, читатель, почему конь, ничуть не боявшийся Чжу Ба-цзе, испугался Сунь У-куна? Дело в том, что пятьсот лет назад Нефритовый император пожаловал Сунь У-куну звание смотрителя конюшен и поручил ему смотреть за лошадьми. Тогда же ему было присвоено чиновничье звание бимавэнь — избавитель от конской болезни. С того времени все лошади боятся обезьян.

Напрасно пытался Танский монах удержать коня поводьями, это ему не удалось. Тогда он крепко ухватился за седло и дал коню полную волю. Конь отмахал без передышки двадцать ли и стал сбавлять бег, лишь когда очутился на полевой дорожке.

Вдруг где-то вблизи ударили в гонг, и сразу же с двух сторон появилось более тридцати молодчиков, вооруженных копьями, мечами и дубинами. Преградив путникам дорогу, они закричали:

— Эй ты, монах! Куда едешь?

Танский монах задрожал от страха, как в лихорадке, не удержался в седле и свалился с коня. Он быстро отполз к стогу сена у дороги и громким голосом молил:

— О всемогущие повелители! Пощадите меня, пощадите!

Два здоровенных детины, видимо главари разбойников, крикнули ему:

— Отдавай деньги, и мы тебя не тронем!

Тут только Танский монах понял, что имеет дело с грабителями. Он приподнялся с земли и стал их разглядывать:

Один был темноликий и клыкастый,

Как дух, что со звезды Тай-суй спустился.

Второй же, что пред ними появился,
Был словно дух звезды Санмынь — глазастый.
Таких страшилищ двух узреть воочью
Никто б не пожелал, ни днем, ни ночью!
И тот, со злыми круглыми очами,
И тот, чьи зубы изо рта торчали,
По ветру космы алые, как пламя,
И бороды густые разведали.
В больших тигровых шапках были оба,
В собольих шубах и в одежде бранной,
И оба лютою пылали злобой,
Оружием размахивая рьяно.
Один держал тяжелую дубину,
Усеянную волчьими клыками,
Другой же в суковатую лозину
Вцепился волосатыми руками.
И оба, в ярой соревнуясь силе,
На тигров сычуанских походили.

Внимательно разглядев обоих главарей, Танский монах убедился в том, что один свирепее другого. Он подошел к ним, молитвенно сложил руки, прижал их к груди и сказал:

— О всемогущие повелители! Я бедный монах, иду из далеких восточных земель на Запад за священными книгами. Меня послал Танский император. С того дня, как я покинул Чанъ-ань — столицу моего государства, прошло много дней и лет. Если у меня и были кое-какие деньги на дорожные расходы, то они давно уже израсходованы. Мы, монахи, отрешившиеся от мирских сует, живем одними подаяниями. Откуда же у нас богатства?! Умоляю вас, повелители, будьте снисходительны и позвольте мне продолжить мой путь!

Тогда оба главаря вывели вперед всю шайку, и один из них сказал:

— Мы здесь, словно тигры, задерживаем путников. Дорога в наших руках и нам нужен выкуп за нее, ничего больше. Какие еще могут быть снисхождения?! Если у тебя и в самом деле нет ничего, живей снимай с себя свою рясу и оставь нам белого коня. Тогда мы пропустим тебя!

— О великий Будда! — воскликнул Танский монах. — Да на что вам мое рубище? Оно все в заплатках: вот одна, вот другая. Все это собрано из одних лоскутков. Если вы отнимете мое рубище, то тем самым погубите меня. И хотя сейчас вы добрые молодцы, в последующем перерождении вы станете скотами!

Услышав такие речи, разбойники пришли в ярость и, подняв свое оружие, накинулись на Танского монаха. Тот ничего не стал им больше говорить, но в душе подумал: «Эх вы, несчастные! Зря хвалитесь своими дубинами! Вам, видно, неизвестно какой есть посох у моего ученика».

Разбойники так расходились, что остановить их было уже невозможно. Не помня себя от ярости, они принялись колотить Танского монаха. И он, за всю жизнь ни разу не солгавший, на этот раз в отчаянии решился пойти на ложь.

— Почтенные господа, — взмолился он. — Не бейте меня. Со мною вместе идут мои ученики, они немного отстали. Вот у них есть при себе несколько лянов серебра. Заранее обещаю вам его.

— От этого монаха мы в убытке не останемся, — вскричали разбойники. — Ну-ка, ребята, свяжите его!

Все как один навалились на Танского монаха, скрутили его веревками, а затем подвесили высоко на сук дерева.

Тем временем трое злосчастных спутников гнались пешком за своим наставником. Чжу Ба-цзе балагурил и громко хохотал:

— Интересно знать, где сейчас наш учитель, куда умчал его конь?

И вдруг они заметили своего наставника на высоком суку придорожного дерева.

Чжу Ба-цзе продолжал шутить:

— Глядите, братцы! — сказал он. — Наш учитель заждался нас и от скуки полез на дерево, да еще качается на суку, словно на качелях!

Сунь У-кун сразу же понял, в чем дело, и прикрикнул на Чжу Ба-цзе.

— Замолчи ты, Дурень! Он не сам полез, кто-то подвесил его на сук. Вы идите помедленнее, а я слетаю вперед и узнаю, что случилось.

О, волшебный Сунь У-кун! Быстро взбежав на пригорок, он стал пристально вглядываться

вдаль и увидел шайку разбойников. Это обрадовало его. «Вот удача, — подумал он, — на ловца и зверь бежит».

Сунь У-кун тотчас же встряхнулся и мигом превратился в чистенького, благообразного послушника лет шестнадцати, одетого в черную рясу. За спиной у него висел синий холщовый мешок. Семеня ногами, послушник подбежал к дереву, на котором висел Танский монах, и окликнул его:

— Наставник! Что с вами случилось? И откуда взялись эти злодеи?

— Брат мой!—отвечал Танский монах. — Зачем спрашивать? Ты бы лучше помог мне...

Но Сунь У-кун не унимался:

— Чем занимаются эти люди? Кто они такие?

— Эти люди преградили мне путь, — отвечал Танский монах. — Они задержали меня и потребовали денег за проход. Но денег у меня, как тебе известно, нет. Вот они и подвязали меня сюда и ждут твоего прихода, чтобы ты им уплатил. Иначе придется отдать им нашего белого коня.

Эти слова рассмешили Сунь У-куна, и он сказал:

— Наставник мой, ты неисправим! Я видел много монахов, но такого мягкотелого, как ты, не встречал. Ты — посланец самого Танского императора и идешь на Запад к Будде, как же ты можешь отдать своего коня-дракона?

Но Танский монах возразил ему:

— Брат мой! Что поделаешь? Гляди, как меня избили, а потом еще подвесили на этот сук.

— Что же ты им сказал? — спросил Сунь У-кун.

— Когда они принялись меня бить, — отвечал Сюань-цзан, — я не знал, что делать, и сослался на тебя.

— Что же ты сказал им, сославшись на меня? — снова спросил Сунь У-кун.

— Я сказал им, — продолжал Сюань-цзан, — что у тебя есть деньги на дорожные расходы и обещал им, как сделал бы всякий, попавший в беду, отдать их, лишь бы они перестали истязать меня.

— Вот хорошо! — обрадовано произнес Сунь У-кун. — Просто замечательно! Благодарю за то, что ты меня так высоко ценишь. Ну что ж! Раз уж сослался на меня, пусть так и будет. Если в течение месяца будешь ссылаться на меня раз семьдесят, а то и восемьдесят, у меня, старого Сунь У-куна, пожалуй, будет работенка.

Заметив, что Сунь У-кун переговаривается со своим наставником, разбойники окружили Сунь У-куна и, подступив к нему, закричали:

— Эй ты, молодой монах! Твой наставник сказал нам, что у тебя за пазухой есть деньги на путевые расходы. Выкладывай их сюда, только живо! Если же посмеешь сказать «нет», то сразу же расстанешься со своей паскудной жизнью.

Положив узел на землю, Сунь У-кун спокойно произнес:

— Уважаемые начальники! Не кричите на меня! Здесь в узле есть кое-какие сбережения на дорожные расходы, но немного. Золота слитков двадцать, серебра слитков тридцать, да еще немного мелочи на разные расходы, не знаю сколько, не считал. Если вам нужны эти деньги, забирайте их вместе с узлом, только оставьте в покое моего наставника и не бейте его. Помните, что сказано в древней книге: «Основой всего является добродетель, а богатство — дело второстепенное». Поэтому деньги для меня ничего не стоят. Мы — монахи, отрешившиеся от мира, всегда найдем себе подаяние. Стоит нам встретить доброго человека, как у нас появятся и деньги и одежда. А много ли нам нужно? Вы только отпустите моего наставника, а я отдам вам все, что имею.

Разбойники обрадовались.

— Старый монах — скряга, зато этот молодой, видно, щедрый малый.

Сразу же раздался приказ:

— Освободить монаха!

И на этот раз Танский монах был спасен. Не помня себя от радости, он вскочил на коня и, забыв о Сунь У-куне, поскакал обратно. Видно было лишь, как он стегал коня, чтобы скорее скрыться.

— Наставник! — крикнул ему вслед Сунь У-кун. — Ты не по той дороге поехал!

Подхватив узел, он хотел было бежать вдогонку, но разбойники преградили ему дорогу:

— Ты куда? Отдавай деньги, не то мы разделаемся с тобой!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Уж если говорить о деньгах, то третью часть следовало бы отдать мне.

— Ишь ты, какой шустрый, — сказал один из разбойничьих главарей. — Хочешь провести своего наставника и взять себе часть денег. Ну ладно, выкладывай сколько у тебя есть. Если много, то мы и тебе часть выделим, чтобы ты купил себе фруктов и тайком полакомился.

— Уважаемый брат мой! — отвечал на это Сунь У-кун самым серьезным тоном. — Ты не понял меня. Откуда я возьму деньги? Я хотел получить долю из тех денег, которые вы отняли у других людей.

Тут разбойники пришли в неопишемую ярость и стали на чем свет стоит бранить Сунь У-куна:

— Этот мальчишка играет с огнем, он, видно, не знает, что мы с ним сделаем! Мало того, что он не желает отдавать своих денег, он еще осмеливается посягать на наше добро. Вот тебе за это!

И с этими словами один из главарей принялся хлестать Сунь У-куна по его гладко выбритой голове. Он нанес ему несколько ударов, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал говорить, расплывшись в улыбке.

— Уважаемый брат мой! Ты можешь бить меня до весны будущего года, все равно я ничего не почувствую.

Разбойник призадумался:

— Ну и крепкая у тебя башка! — сказал он удивленно.

— Что ты! Что ты! — засмеялся Сунь У-кун. — Я не заслужил такой похвалы. Голова у меня самая обыкновенная, но для меня и такая хороша.

Разбойники, конечно, не могли вынести такого позора и принялись бить Сунь У-куна вдвоем, а потом втроем.

Наконец Сунь У-кун не выдержал и сказал им:

— Уважаемые господа! Смирите свой гнев. Сейчас я достану вам деньги!

И вот наш шутник потерял себе ухо и вытащил оттуда иглу.

— Уважаемые господа! Я монах, покинувший мир суеты, — сказал он, — и денег не имею. Вот возьмите, если хотите, эту иглу. Больше мне нечего дать вам.

— Проклятье! — выругался один из разбойников. — Богатого монаха упустили, а вместо него поймали этого лысого осла! Может быть, ты хороший портной, не знаю, — сказал разбойник, обратившись к Сунь У-куну, — но нам на что твоя игла?

Тогда Сунь У-кун несколько раз подбросил иглу на ладони, потом помахал ею, и вдруг на глазах у всех она превратилась в огромный посох толщиной с плешку. Разбойники испугались.

— Глядите-ка! Этот монах хоть и мал, а владеет тайнами волшебства.

Сунь У-кун воткнул посох в землю и сказал:

— Вот, милостивые государи, дарю вам этот посох, если только вы сможете вытащить его из земли.

Оба главаря вышли вперед и, отталкивая друг друга, схватились за посох. Но, увы, их усилия были так же ничтожны, как усилия стрекозы, если бы она вздумала сдвинуть с места каменный столб! Посох даже на волосок не шевельнулся. Вы уже, конечно, догадались, читатель, что этот посох был тем самым посохом с золотыми обручами, о котором мы уже много раз рассказывали. Его взвешивали на небесных весах, и оказалось, что он весит ровно тринадцать тысяч пятьсот цзиней. Но откуда могли знать об этом невежественные разбойники?!

Сунь У-кун, глядя на их бесплодные усилия, подошел к посоху и свободно выдернул его из земли, совершив при этом фехтовальный прием. Затем он нацелился на разбойников и крикнул:

— Эй вы! Несчастные! Довелось вам встретить на свою погибель Сунь У-куна!

Но разбойники не сдавались. Один из них накинулся на Сунь У-куна и нанес ему по крайней мере полсотни, а то и больше ударов. Но тот лишь смеялся.

— Ты уже устал, — сказал он разбойнику. — Дай-ка я теперь ударю разок, но берегись!

С этими словами Сунь У-кун помахал в воздухе своим волшебным посохом, который сразу же стал толщиной с колодезный сруб, а длиной в восемь чжан, и нацелился. От первого же удара один из главарей повалился наземь, не издав ни единого звука.

Второй разбойник стал ругаться:

— Ах ты, негодяй лысый! Мало того, что ты не дал нам денег, так ты еще убил нашего

начальника!

— Погоди! Погоди!— отвечал ему сквозь смех Сунь У-кун. — Сейчас я всех вас переколочу. Вот, смотри!

Сунь У-кун снова взмахнул своим посохом, и второй главарь повалился, сраженный насмерть. Все остальные разбойники так перепугались, что побросали свое оружие и разбежались.

А Танский монах тем временем скакал на восток. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн остановили его и пустились в расспросы:

— Наставник! Куда же ты направляешься? Ты ведь сбился с пути.

Сдержав коня, Танский монах крикнул:

— Братья! Спешите к Сунь У-куну и скажите, чтобы он осторожнее действовал своим посохом, не то убьет еще кого-нибудь и загубит свою душу!

— Я мигом слетаю, — отвечал Чжу Ба-цзе, — а вы ждите меня здесь!

С этими словами Дурень помчался вперед и заорал во все горло:

— Сунь У-кун! Наставник приказал тебе никого не убивать!

— А разве я когда-нибудь убивал, — отвечал Сунь У-кун.

— Куда же в таком случае делись разбойники?— спросил Чжу Ба-цзе, подходя ближе.

— Они разбежались, — отвечал Сунь У-кун, — а их главари спят здесь.

Чжу Ба-цзе засмеялся:

— Эй вы! Поганцы! Видимо, всю ночь так колобродили, что свалились замертво. Какого же черта вы здесь разлеглись? Другого места не нашли?

С этими словами Чжу Ба-цзе подошел поближе и стал их рассматривать.

— Спят так же крепко, как и я, да еще с разинутым ртом, а у одного даже слюни потекли!

Тут Сунь У-кун не выдержал:

— Это не слюни, — сказал он. — Я ему так дал посохом по голове, что у него изо рта бобовый сыр брызнул.

— А разве бывает в голове бобовый сыр?— удивился Чжу Ба-цзе.

— Ну, не сыр, а мозги! — отвечал Сунь У-кун.

Услышав это, Чжу Ба-цзе поспешно побежал обратно.

— Наставник! — сказал он. — Разбойники разбежались!

— Вот и прекрасно! — обрадовался Сюань-цзан. — Отлично! Куда же они скрылись?

— А я почему знаю? Когда бьют, то бегут куда глаза глядят.

— Как же это ты узнал, что разбойники разбежались? — удивился Танский монах.

— Очень просто, если их главарей побили, то куда им было деваться?

— Как побили?

— Очень просто, — отвечал Чжу Ба-цзе, — проделали у каждого в голове по две больших дырки!

— Поскорее развяжи узел, — приказал Танский монах, — достань несколько монет и сбегай купи где-нибудь пластырь и мазь.

Чжу Ба-цзе стал смеяться.

— До чего же ты наивен! Пластырь и мазь помогают только живым, а мертвых разве вылечишь?

— Неужто он успел убить их? — испугался Сюань-цзан.

Он сразу же разволновался, что-то долго бормотал про себя, на все лады поносил обезьяну, а затем повернул коня и направился вместе с Чжу Ба-цзе и Ша-сэном к убитым разбойникам. Они лежали в луже крови под пригорком. Это зрелище было невыносимым для Танского монаха, и он приказал Чжу Ба-цзе:

— Ну-ка, живей вырой яму своими граблями и закопай их, а я прочту над ними заупокойную молитву.

— Наставник! Это несправедливо, — обиделся Чжу Ба-цзе. — Сунь У-кун убил, Сунь У-кун пусть и хоронит, а я тут причем? С какой стати я должен копать могилу?

Сунь У-кун, раздосадованный тем, что Танский монах обругал его, запальчиво прикрикнул на Чжу Ба-цзе:

— Негодяй ты этакий! Ленивая тварь! Ну-ка, живей принимайся за дело! Не то я проежусь по тебе этим посохом!

Дурень испугался и поспешно стал рыть яму под пригорком.

Но оказалось, что на глубине трех чи залегал камень, и грабли со звоном отскакивали от него. Чжу Ба-цзе отбросил грабли и пустил в ход собственное рыло. Вскоре он докопался до рыхлой земли. Раз подденет рылом — два с половиной чи, другой раз - пять чи. Вскоре он закопал обоих мертвецов и насыпал холмик.

— Сунь У-кун! — позвал Танский монах. — Отправляйся за свечами, чтобы я мог прочитать заупокойную молитву.

Сунь У-кун надулся:

— Еще чего недоставало?! В этих горах нет ни деревушки, ни лавчонки! Откуда я возьму жертвенные свечи? Здесь ни за какие деньги их не купишь!

— Убирайся вон! — не на шутку рассердился Танский монах. — Негодная обезьяна! Я и без тебя обойдусь. Да послужит мне горсть пыли священным ладаном при молении!

Эти слова он произнес уже спешившись и загребая пыль руками перед свежим могильным холмом. Танский монах был мастером читать отходные молитвы. Вот послушайте:

— Кланяюсь вам, отважные молодцы, и прошу выслушать меня. Я иду из восточных земель, из государства Тан. Мой император Тай-цзун повелел мне отправиться на Запад и достать там священные книги. Дорога привела меня в ваши края. Не знаю, из какой области, из какого округа и уезда вы пришли сюда и собрались здесь в шайку. Я добрыми словами увещевал вас и молил, но вы не послушались меня и, отвратившись от добра, задумали совершить зло. Однако Сунь У-кун поразил вас своим посохом. Тревожась, что тела ваши останутся непогребенными, я велел похоронить вас и насыпать над вами могильный холм. Вместо жертвенных свечей я ставлю перед вами ветви бамбука, и хотя они не дают огня, его заменит мое стремление услужить вам. Пусть эти камни заменят жертвы, которые мы должны были принести вам: в них нет вкуса, но они служат символом моей искренности и честности. Когда вы явитесь во дворец

владыки подземного царства, принесете ему жалобу и он будет допытываться, кто виновник вашей смерти, знайте, что его зовут Сунь, а меня Чэнь. Мы с ним из разных мест и не связаны родством. Всякая обида имеет свой повод, всякий должник имеет своего займодавца. Умоляю вас не обвинять в вашей смерти меня, бедного монаха, паломника за священными книгами!

— Ну, наш наставник вышел сухим из воды, — засмеялся Чжу Ба-цзе. — Но ведь меня и Ша-сэна не было, когда Сунь У-кун расправился с разбойниками.

Услышав это, Танский монах снова взял щепоть земли и продолжал:

— Добрые молодцы! Когда будете жаловаться, жалуйтесь на одного Суня, спутника моего. Да будут непричастны к этому злодейству ни Чжу Ба-цзе, ни монах Ша-сэн!

Великий Мудрец внимательно слушал молитву своего наставника, но под конец не удержался и стал хохотать:

— Дорогой мой наставник! — сказал он, наконец, сквозь смех, — в тебе нет ни благодарности, ни справедливости! Вспомни сколько трудов я положил, сколько мучений перенес, и все ради того, чтобы ты мог спокойно следовать на Запад за священными книгами. А сейчас, только лишь потому, что я убил этих двух негодяев, ты подстрекаешь их души жаловаться на меня, старого Сунь У-куна! Да, я их убил, но ведь я сделал это ради твоего спасения! Сам посуди, я никогда не попал бы в эти края и не убил этих негодяев, если бы ты не отправился за священными книгами, а я не стал бы твоим верным учеником. Так давай лучше я сам прочту над ними молитву!

Он решительными шагами подошел к могиле, трижды ударил по ней своим посохом и закричал:

— Слушайте меня, проклятые грабители! Вы изо всей силы били меня по голове. Первый раз вы нанесли мне восемь ударов, второй раз столько же. Боли я не почувствовал, зато рассердили вы меня не на шутку. Поэтому я и убил вас. Можете жаловаться на меня кому угодно. Я ничуть не боюсь. Это истинная правда. Меня знает сам Нефритовый император, небесный князь слушает мои советы, небесные духи, обитающие на двадцати восьми созвездиях, страшатся меня. При моем появлении трепещут властители девяти небесных светил. Передо мною становятся на колени духи — покровители городов. Великий дух — властитель священной Восточной горы¹ и тот боится меня! Судьи смерти находились у меня в услужении. Моими учениками были духи Чаншэнь. Со мной ведут дружбу духи трех сфер, пяти чистилищ ада и десяти стран света. Идите, жалуйтесь кому угодно и куда угодно!

Танский монах от этих слов сильно встревожился.

— Брат мой! — взволнованно произнес он. — Я читал свою молитву лишь потому, что хотел образумить тебя, пробудить в тебе любовь к живым существам и направить по пути добродетели. Как же это ты принял ее всерьез, а?

— О мой наставник! — огорченно отвечал Сунь У-кун, — так шутить нельзя! Ну, а теперь нам надо поскорее найти пристанище на ночь.

Танский монах, досадуя в душе, взобрался на коня, и путники двинулись дальше.

Всю дорогу Великий Мудрец был в плохом настроении. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн тоже испытывали досаду. Однако они продолжали свой путь, стараясь делать вид, что ничего не произошло. Дорога, по которой они шли, вела на Запад. Вдруг они заметили в стороне от дороги какую-то усадьбу, огороженную высоким забором. Указывая на нее плетью, Танский монах предложил своим спутникам:

— Давайте попросимся здесь переночевать.

— Вот это дело! — отозвался Чжу Ба-цзе.

Подъехав поближе, Танский монах слез с коня и стал осматриваться. Ему очень понравилась усадьба и ее окрестности.

К усадьбе тропочка ведет,

Стоят деревья у ворот,

Толпою заграждая вход...

Как бы узнать, кто там живет?

Отрада слуха и очей —

Бежит, спешит с окрестных гор,

Сверкая и журча, ручей

И, вырываясь на простор,

Несет прохладу на поля.

В последнем золоте лучей

Спокойно нежится земля,

Дневную жажду утоля,

Переходя в объятья сна...

И блещут красотой риз

Голубоватая сосна

И изумрудный кипарис.

Устало шепчут тополя,
Едва лепечут ив листы,
Смолкают птичьи голоса,
Смыкают яркие глаза
Благоуханные цветы,
Небес темнеет бирюза,
Ложится светлая роса
На засыпающий тростник.
Доносится протяжный крик —
То ночь приветствует петух...
Зажегся первый свет в окне,
Последний луч зари потух,
И в каждой хижине, везде,
Поспела каша на огне
Для тех, кто день провел в труде...
И вот ночная мгла легла
На крыши горного села.

Танский монах направился к усадьбе и увидел старца, который выходил из ворот. Они обменялись приветствиями и принялись задавать вопросы друг другу.

— Откуда изволил пожаловать, благочестивый отец? — спросил старец.

— Я, бедный монах, следую из восточных земель по повелению Танского государя, который послал меня на Запад за священными книгами. Путь мой как раз пролегает мимо вашей усадьбы, а так как время позднее, я и осмелился просить разрешения переночевать здесь.

— Ваши земли от этой усадьбы отделяет огромное расстояние, — заметил старец, — как же это ты отважился пуститься в столь дальний путь один, переправляться через глубокие реки и переходить через высокие горы?

— Я не один, — отвечал Танский монах: — меня сопровождают три моих ученика.

— Где же они, твои уважаемые ученики?

Танский монах указал на край дороги:

— Вот они!

Старец посмотрел в указанном направлении, увидел Сунь У-куна, Чжу Ба-цзе и Ша-сэна и, напуганный их безобразным видом, бросился к воротам. Но Сюань-цзан удержал его:

— Благодетель ты мой!— воскликнул он. — Умоляю тебя, прояви милосердие и пусти нас переночевать.

От страха у старца зуб на зуб не попадал, он не мог вымолвить ни слова и только мотал головой и отмахивался.

— Не... не... Они не похожи на людей!— запинаясь выговорил он наконец. — Э-э-это же оборотни-чудовища!

Танский монах стал его успокаивать:

— Благодетель ты мой! Не бойся! Мои ученики хоть и не блещут красотой, но в действительности вовсе не злые духи и не оборотни.

— О небо!— не переставал изумляться старец, — один твой ученик точь-в-точь злой дух — якша, у другого лошадиная морда, а третьего не отличишь от бога Грома.

До ушей Сунь У-куна донеслись последние слова старца, и он крикнул что было мочи:

— Бог Грома мой внук, злой дух — якша — правнук, а дух с лошадиной мордой — праправнук.

От этих слов у старца душа ушла в пятки. Он побледнел и порывался войти в ворота, но Танский монах не отпускал его. Он пошел вместе со старцем, все время его успокаивая:

— Благодетель ты наш, не бойся! Они просто невежи и не умеют разговаривать с людьми, как полагается.

Пока Танский монах уговаривал старца, из усадьбы вышла женщина, ведя за руку ребенка лет пяти. Обращаясь к старцу, она спросила:

— Что это у тебя такой испуганный вид, дедушка?

— Принеси нам чайку, — попросил старец, не отвечая на ее вопрос.

Женщина оставила ребенка, вошла в дом и вскоре вынесла две чашечки чая.

Осушив чашечку, Танский монах повернулся к женщине, совершил поклон и произнес:

— Я, бедный монах, по повелению Танского императора следую из восточных земель на Запад за священными книгами. И вот сейчас попал в ваши уважаемые края. Покорнейше прошу достопочтенного хозяина позволить переночевать у вас. Мои спутники — ученики с виду очень безобразны, вот они и напугали хозяина...

— Неужели безобразный вид может так напугать? — насмешливо спросила женщина. — Ну, а если доведется увидеть тигра или барса, что тогда будет?

— То, что у них лица безобразны, — это бы еще ничего, — отвечал старец. — Страшно, когда они начинают говорить. Не успел я сказать, что один из них походит на злого духа якшу, второй, на духа с лошадиной мордой, а третий, на бога Грома, как старший закричал: «Бог Грома мой внук, злой дух — якша — правнук, а тот, что с лошадиной мордой — мой праправнук!» Я так и обомлел от страха.

— Что ты? Ведь это неправда! — вмешался Танский монах. — Тот, что походит на бога Грома — мой старший ученик и последователь по имени Сунь У-кун. Похожий на духа с лошадиной мордой — второй ученик по имени Чжу У-нэн, а похожий на злого духа якшу — третий ученик по имени Ша У-цзин. Они хоть и безобразны, но являются верными последователями учения Будды и буддийскими монахами шраманами. Они вовсе не злые дьяволы и не оборотни, чего же их бояться?!

Старец и женщина, услышав о том, что они имеют дело с настоящими буддийскими монахами, носящими соответствующие имена и сан шраманов, пришли в себя и совершенно успокоились.

— Зовите их сюда! Зовите! — обратились они к Танскому монаху.

Сюань-цзан вышел за ворота, позвал своих учеников и дал им такое наставление:

— Вы до смерти напугали старика хозяина. И сейчас, когда предстанете перед ним, не смейте ему грубить. Пусть каждый из вас выкажет ему должное уважение.

Чжу Ба-цзе сразу же надулся:

— Я ничуть не уступаю Сунь У-куну в образовании и воспитанности.

— Если бы не твое рыло, огромные уши и безобразная морда, — засмеялся Сунь У-кун, — был

бы ты герой хоть куда!

— Да перестаньте же вы спорить, — сказал Ша-сэн. — Здесь не место хвалиться, а тем более ссориться. Давайте лучше войдем в усадьбу.

С этими словами все трое с поклажей и конем вошли в ворота и подошли к хижине, где их ожидали хозяева. После приветствий, их усадили. Хозяйка оказалась очень расторопной. Она увела с собой ребенка и велела приготовить горячую пищу. Вскоре подали монашескую трапезу. Наставник и его ученики с аппетитом поели. Стемнело. В хижине зажгли фонари и при свете их гости вели беседу.

— Благодетель мой!— обратился к хозяину Танский монах. — Какую ты носишь фамилию?

— Фамилия моя Ян,— отвечал старец.

Затем Сюань-цзан спросил, сколько ему лет.

— Мне исполнилось семьдесят четыре года, — сказал старик.

— Сколько же у тебя сыновей? — заинтересовался Сюань-цзан. — Всего один, — со вздохом отвечал старик,— а ребеночек, которого вы видели, — мой внучек.

— Нельзя ли пригласить сюда твоего сына, — спросил Танский монах, — я хочу приветствовать его!

— Этот негодяй недостойн того, чтобы его приветствовали,— гневно произнес старик. — Тяжелая мне выпала доля, не слушает он меня. Вот до сей поры его все нет дома.

— Где же он изволит заниматься делами?— спросил Сюань-цзан.

Старик покачал головой и тяжело вздохнул:

— Беда мне с ним! Если бы он занимался делами, это было бы счастье для меня! Но у этого мерзавца на уме одни лишь злодейства. Он забыл о семье, ведет беспутный образ жизни, затевает драки, грабит прохожих, занимается убийствами и поджогами, водит дружбу со всякими проходимцами. Вот и теперь ушел из дому пять дней тому назад и до сих пор не возвратился.

От этих слов у Танского монаха перехватило дыхание и отнялся язык. Он подумал:

«Уж не был ли его сынок одним из тех разбойников, которых убил Сунь У-кун?» Ему стало не

по себе, он приподнялся и произнес:

— Я думаю, что ваш сын — прекрасный человек; разве мог у столь достопочтенных родителей вырасти непутевый и непокорный сын!

Сунь У-кун поднялся с места и подошел к старику:

— Уважаемый! — сказал он. — Зачем тебе такой недостойный сын? Ведь он причиняет тебе и матери на старости лет столько огорчений, предается грабежам и распутству? Позволь мне разыскать его, привести сюда и забить до смерти.

— Да я и сам хотел было передать его властям, — отвечал старик, — но что поделаешь? У меня он ведь единственный! И хоть непутевый, пусть все же остается при мне, будет кому похоронить меня.

— Брат, — сказали тут Ша-сэн и Чжу Ба-цзе. — Не суйся, куда не следует! Не нам судить. Зачем вмешиваться в их семейные дела? Лучше попросим у нашего благодетеля немного сена, устроим себе постель вон в том помещении и ляжем спать, а завтра пораньше снова отправимся в путь.

Старик велел Ша-сэну пройти на задний двор, взять вязанки две рисовой соломы и устроить постель.

За Ша-сэном пошли Сунь У-кун с конем, Чжу Ба-цзе с покла жей и Танский монах. Вскоре они улеглись спать, и мы пока оставим их.

Среди разбойников, о которых уже шла речь выше, действительно был сын старика Яна. Утром того дня, когда Сунь У-кун у пригорка убил обоих главарей, вся шайка разбежалась и лишь ночью, ко времени четвертой стражи, разбойники снова собрались вместе и стали стучаться в ворота усадьбы.

Старик поспешно облачился и сказал своей старухе:

— Жена! Опять эти негодяи явились!

— Ну что же? Ступай, отворяй ворота! — сказала женщина. — Пускай идут в дом.

Не успел старик открыть ворота, как вся шайка ворвалась с криками: «Мы голодны, мы есть хотим!»

Сын старика поспешил к себе, разбудил жену и велел ей варить рис и готовить еду; затем он направился в кухню и, заметив, что возле очага нет хвороста, побежал на задний двор.

Вернувшись на кухню, он спросил жену:

— Чей это белый конь стоит у нас на дворе?

— Тут к нам забрел какой-то монах из восточных земель, который идет за священными книгами. Вчера вечером он попросился на ночлег. Свекор-батюшка и свекровь-матушка накормили его постной пищей и уложили спать в хижине...

Выслушав жену, разбойник вышел из дома, стал хлопать в ладоши и смеяться.

— Ребята! — сквозь смех крикнул он. — Вот удача так удача! Ведь обидчик-то, оказывается, ночует у нас в доме!

— Какой обидчик? Что за обидчик? — загалдели разбойники.

— Да тот самый монах, который убил наших главарей. Он попросился переночевать у нас и сейчас как ни в чем не бывало спит в хижине.

— Вот хорошо! — обрадовались негодяи. — Сейчас схватим этих лысых ослов и изрежем на мелкие кусочки; во-первых, нам достанется их поклажа и белый конь, а во-вторых, мы отомстим за смерть наших главарей!

— Не торопитесь, — остановил их сын старика, — ступайте пока точить ножи, а я наварю вам каши. Поедим сперва досыта, а затем разделаемся с ними.

Разбойники принялись точить свое оружие. Одни точили ножи, другие — копья.

Старик Ян слышал, о чем говорил его сын с разбойниками; он крадучись отправился на задний двор и разбудил Танского монаха и его спутников:

— Мой сын-негодяй привел сюда всю свою шайку, — прошептал он. — Они узнали, что вы здесь, и собираются погубить вас. Я не могу допустить, чтобы вы, далекие странники, погибли в моем доме от рук злодеев. Живее собирайте свою поклажу и идите за мною. Я выведу вас через заднюю калитку.

Танский монах, трясаясь от страха, стал отбивать земные поклоны и благодарить старика, а затем велел Чжу Ба-цзе взять коня, Ша-сэну — нести поклажу, а Сунь У-куну — его посох с золотыми обручами.

Старик открыл калитку, выпустил беглецов, а сам так же тихонько вернулся и лег спать.

Тем временем негодяи наточили ножи и копья и наелись каши до отвала. Наступил час предутренней пятой стражи. Вся шайка устремилась на задний двор, но никого там не обнаружила.

Стали искать с фонарями, искали долго, но монахов так и не нашли, а потом увидели, что задняя калитка раскрыта настежь. Тут все стали кричать: «Убежали! Убежали через заднюю калитку!»— и пустились в погоню. Разбойники летели стрелой и, когда восток заалел, заметили вдали Танского монаха. Услышав погоню, Сюань-цзан оглянулся и увидел, что за ними гонятся человек двадцать, а то и тридцать разбойников с копьями и ножами.

— Братья!— крикнул монах своим спутникам. — Нас догоняют разбойники! Что делать? Как быть?

— Успокойся, наставник!— отвечал Сунь У-кун. — Не волнуйся! Сейчас я с ними расправлюсь!

Танский монах придержал коня и строго сказал:

— Смотри, даже ранить никого из них не смей. Попугай их, пусть разбегутся, — и все!

Но Сунь У-кун уже не слушал. Он выхватил свой посох и, обернувшись, пошел навстречу разбойникам:

— Куда изволите спешить, уважаемые господа? — насмешливо спросил он.

— Ах ты, лысый невежа! — кричали разбойники. — Верни к жизни наших славных предводителей!

Они окружили Сунь У-куна плотным кольцом, нанося ему удары копьями и ножами.

Великий Мудрец Сунь У-кун помахал в воздухе своим волшебным посохом, и он стал толщиной с плешь. Затем он принялся колотить разбойников направо и налево. И те, кого касался посох, тут же падали замертво. Трещали кости, летели клочья кожи. Более смелые удрали, глупцы же все предстали перед владыкой ада Янь-ваном.

Танский монах, сидя верхом на коне, издали наблюдал за этим побоищем. Увидев, как много людей попадало на землю, он испугался и погнал коня на запад. Чжу Ба-цзе и Ша-сэн не отставали от него ни на шаг и, как говорится, рядом со стремением, с одной стороны и рядом с плетью — с другой, следовали за своим наставником. А Сунь У-кун тем временем стал спрашивать раненых разбойников:

— Кто здесь сын почтенного старика Яна?

Один из раненых, хныча, сказал:

— Вон тот, в желтом, господин наш!

Сунь У-кун подошел к раненому, вырвал у него из рук острый нож и одним ударом отрубил ему голову, затем взял голову за волосы, стряхнул кровь, спрятал посох и очень быстро нагнал Танского монаха.

Поднеся голову убитого своему наставнику, Сунь У-кун сказал:

— Учитель мой! Эта голова принадлежит непокорному сыну уважаемого старика Яна. Я ее взял как доказательство нашей победы.

При виде отрубленной человеческой головы Танский монах изменился в лице и, не в силах усидеть в седле, скатился с коня.

— Мерзкая ты обезьяна, — стал он ругать Сунь У-куна. — Ты меня доведешь до смерти! Убери скорей! Убери эту голову!

Чжу Ба-цзе бросился вперед, пинком ноги отбросил голову на обочину дороги и засыпал ее землей. Ша-сэн опустил коромысло с ношей и стал поднимать Танского монаха.

— Прошу тебя, наставник! Встань! — приговаривал он. Успокоившись немного, Танский монах стал читать заклинание о сжатии обруча, от которого Сунь У-куна сразу же бросило в жар: у него покраснели уши и запылали щеки, потом в глазах стало темно, голова закружилась, он катался по земле, крича истошным голосом.

— Не читай! Не читай!

Но Танский монах продолжал читать и уже прочел раз десять, не собираясь останавливаться. Сунь У-кун стал кувыркаться через голову, вставал вверх ногами, корчась от нестерпимой боли и, наконец, взмолился:

— Наставник! Прости меня! Пощади! Брани меня сколько хочешь, только перестань читать!

Наконец Сюань-цзан перестал читать заклинание.

— Мне больше не о чем с тобой говорить! — сказал он. — Я не нуждаюсь в тебе, можешь отправляться, куда хочешь.

Преодолевая боль, Сунь У-кун опустился на колени и начал отбивать земные поклоны.

— Как же так, наставник? Неужели ты прогонишь меня?

— Ты злой и вредный! — гневно произнес Танский монах. — — И не достоин идти за священными книгами. Вчера под пригорком, когда ты убил двоих главарей, я сказал тебе, что это бесчеловечно. На ночь нас приютил почтенный старик — хозяин усадьбы, который накормил нас и дал нам ночлег. Мало того он проявил великодушие, открыл калитку, выпустил нас и этим спас нам жизнь. Пусть у него был непутевый сын, какое нам до этого дело?! Кто дал тебе право казнить его таким ужасным образом? Ты загубил невесть сколько жизней, посеял горе на земле. Я много раз убеждал тебя и отговаривал, но у тебя не появилось ни малейшего стремления к добру. Зачем же ты мне нужен? Что я буду с тобой делать? Уходи скорей! Убирайся! Не то я снова начну читать заклинание!

Сунь У-кун не на шутку перепугался.

— Только не читай! — взмолился он. — Я уйду!

После этого он перекувырнулся, очутился на облаке и бесследно исчез.

Напрасно ищешь к Истине пути,

Напрасно жаждешь для души бессмертья —

Их никогда не сможешь обрести

В смятенье духа и в жестокосердьё!

Куда же исчез наш Сунь У-кун? Если вы хотите узнать об этом, читатель, прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287984>